

УДК 94(575):37

НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ТУРКЕСТАНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОТ ИМПЕРИИ К СОВЕТАМ (1917–1924 гг.)

О.Л. Сумарокова

Анализируются принципы ранней советской образовательной политики в Туркестанской Автономной Социалистической Советской Республике.

Ключевые слова: Туркестанская Советская Республика; образовательная политика; исламские конфессиональные школы; борьба с неграмотностью; единая трудовая школа.

NATIONAL SCHOOL POLICY IN THE TURKESTAN SOVIET REPUBLIC: FROM THE EMPIRE TO THE SOVIETS (1917–1924)

O.L. Sumarokova

The article analyzes the principles of early Soviet educational policy in the Turkestan Autonomous Soviet Socialist Republic.

Keywords: the Turkestan Soviet Republic; educational policy; Islamic religious schools; combat illiteracy; the unified labor school.

Установление в ноябре 1917 г. на территории Туркестанского края советской власти знаменовало начало перезагрузки всех сфер общественной и государственной жизни среднеазиатского общества. Школьное дело, обозначенное Государственной комиссией по просвещению как “залог будущего благоустройства Туркестанской республики” [1, л. 83], стало одним из приоритетных объектов реформ, осуществлявшихся под лозунгом борьбы с неграмотностью и невежеством, “намеренно поддерживавшихся самодержавием как средство сохранения своего господства” [2, с. 3]. Именно в такой интерпретации, сложившейся в советской историографии, с элементами постсоветской национальной идеологической корректуры, 1917 г. стал считаться “нулевым километром” в деле централизованного преодоления безграмотности среди народов Средней Азии.

Системная работа над повышением культурного уровня населения страны была инициирована спешно и весьма уверенно. В сложной внутривнутриполитической ситуации перед просвещением ставилась архиважная государственная задача – “выработка самосознания и ясного мирозерцания” [3, с. 25] в каждом гражданине перерождающегося общества, готового отстаивать коммунистические ценности и идеалы. В свою очередь, выступая перед комсомольцами в 1920 г., Ленин заявлял о невозможности

построить коммунистическое общество, не возродив промышленность и земледелие “на современной, по последнему слову науки построенной, основе” [4, с. 307], а потому “овладение знанием всех тех богатств, которые выработало человечество” [4, с. 305], было обозначено им как важнейшее условие становления личности коммуниста.

Туркестанская Автономная Социалистическая Советская Республика (далее – Туркестанская АССР) в деле просвещения являлась, с одной стороны, наиболее сложным объектом, с другой – наиболее значимым. Подойдя к рубежу XIX–XX вв. с уровнем общекультурной грамотности не более 4 % [5, с. 128–132], по своему географическому положению Туркестан, по словам Сталина, “врезывался в самое сердце Востока, который наиболее эксплуатировался и который накопил у себя наибольшее пороховое для борьбы с империализмом” [6, с. 329]. Проблематичный в культурно-религиозном и социально-бытовом отношениях регион, “слабый пункт Советской власти” [6, с. 329] в короткие сроки планировалось сделать передовым постом революционизирования Востока.

Вопреки установленному в советской историографии взгляду в эпоху Советов Среднеазиатский регион вошел с достаточно богатым багажом образовательных реформ и просветительских побед, во главе которых стояли представители

российской интеллигенции. К концу 80-х гг. XIX в. на территории Туркестанского генерал-губернаторства была выстроена образовательная система, позиционируемая правительством как идеальная площадка для формирования толерантной среды и удовлетворения образовательных запросов всех граждан региона, независимо от их национально-конфессиональной принадлежности. Это обстоятельство, однако, не обеспечивало в ней многочисленное представительство учащих-мусульман.

В чем же состояли кардинальные отличия принципов ранней советской образовательной политики в Туркестанской АССР от политики Российской империи в Туркестанском крае, позволившие перевести достижения и промахи последней в сфере народного просвещения в плоскость “злодеяний”, а первой – в прогрессивное явление.

Реформа образовательного сектора Туркестанской АССР в первую очередь коснулась двух ключевых, тесно связанных сфер бытия азиатского общества – религиозной и языковой, являвшихся особо напряженными аспектами в имперской образовательной и языковой политике, ставших в результате объектом воздействия либеральных политических тенденций.

Начало реформы образовательной системы Туркестана в первые годы Советской власти было положено приказом № 145 Совета народных комиссаров Туркестанской АССР от 14 мая 1918 г., объявлявшим об организации советской общеобразовательной трудовой школы [7, л. 1]. Ряд изданных в этот же год законодательных актов был направлен на ликвидацию всех типов школ царского периода. “Неправильным и противоречащим духу национального единства школы” [8, л. 102] распоряжением Комиссариата народного образования Туркестанской АССР № 6486 от 16 декабря 1919 г. было объявлено деление школ региона на русско-туземные, признанные в имперский период апогеем стабилизировавшейся к середине XIX в. в российской педагогике гуманистической демократической традиции и призванные “способствовать зарождению и укреплению русского духа в туземном населении и развитию его в материальном и нравственном отношениях” [9, с. 143].

В распоряжении сообщалось: “Предлагаю Отделам Народного Образования сделать распоряжение всем существующим русско-туземным школам обобщиться в национальные школы, т. е. русскую, еврейскую, сартовскую, киргизскую, татарскую. Вывески: русско-еврейская, русско-туземная и т. п., как символ национального унижения – снять, заменив их соответствующими: училище I-й ступени № 1 и т. д. / надпись на национальном и на одном из государственных языков/” [8, л. 102].

Принятый большевиками 20 января 1918 г. “Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви”, в частности пункт 33 инструкции, запрещавший преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных заведениях, за исключением специальных богословских [10, с. 858], теоретически ставил крест на деятельности исламских училищ региона. Однако его реализация требовала от новой власти особой выдержки и последовательности, на что указывала многолетняя практика взаимодействия царских властей с исламским духовенством и конфессиональными школами.

Принцип “строго необходимого невмешательства” [11, с. 440] в отношении конфессиональных училищ Туркестанского края, провозглашенный первым Туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом, на протяжении 50 лет оставался политически актуальным, реализовавшись в жестком пресечении прозелитистских тенденций в стенах пророссийских учебных заведений региона и позволении исламскому вероучению войти в стены русско-туземных училищ в качестве школьной дисциплины наряду с Законом Божьим. Считая для монархии крайне опасным обострение “национального чувства завоеванных инородцев”, министр финансов С.Ю. Вите писал в своих воспоминаниях о невозможности “в XIX и XX веках вести политику... игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в российскую империю – их религию, их язык и проч.” [12, с. 260–261].

Метафизическое отрицание предыдущего опыта и, как следствие, убежденность в возможности одним махом искоренить религию из жизни мусульман, на протяжении десятка веков пронизывавшую все сферы их жизнедеятельности, вызывало лишь негодование со стороны исламского духовенства и народных масс. Серьезную политическую силу, противостоявшую в этом вопросе Советской власти, составляли многочисленные политические партии и движения, образовавшиеся на революционной волне 1905 и 1917 гг. Отсутствие в их политических программах четких принципов и представлений о будущем региона не делало их менее опасными интересам Советской власти. В ответ на административно-командные методы в проведении декрета они отвечали актами подрывной деятельности, преследуя цель, как минимум, территориально-религиозной автономии, но зачастую независимости. Складывавшаяся ситуация обуславливала перекус в действиях представителей местной власти, то прибегавшей к репрессиям против мулл, обучавших исламу в мечетях, то к допущению преподавания ислама в светских школах.

Так, в середине 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР разослал инструктивное письмо, в котором категорически пресекалось применение каких-либо репрессий в отношении мулл за обучение догматам мусульманского вероучения [13, с. 44]. В приказе Комиссариата Народного Образования № 39 от 9 ноября 1918 г., обязывавшем “считать недопустимым служение молебнов перед началом учебных занятий в стенах училищ” [8, л. 74], параграф 4 разъяснял, что “исключение возможно ввиду несознательности мусульманских народных масс и относительно низкой их культуры только в отношении мусульманских училищ...” [8, л. 74]. Спустя полгода, 20 мая 1919 г., Коллегией Народного Комиссариата Туркестанской АССР было принято решение о приостановке приказа о закрытии традиционных исламских училищ во избежание выражения недовольства со стороны “туземных масс” и ограничиться лишь отказом таким учебным заведениям в ассигнованиях и кредитах из казны [8, л. 102]. Фактически вопрос реорганизации “чуждых жизненным интересам” [14, л. 19] конфессиональных школ откладывался в долгий ящик.

По мнению российского историка, профессора М.И. Одинцова, проведению декрета мешало отсутствие на местах подготовленных работников и специальных государственных органов, занимавшихся “церковной политикой”, непоследовательность местных властей, неясности и противоречия некоторых норм декрета [15, с. 14]. Комплекс указанных проблем для России был не нов, а факт смены государственного строя не являлся путем их решения. Еще Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской в изданном 8 августа 1898 г. циркуляре № 10 признавал, что большинство служащих по Туркестанскому краю лиц недостаточно знакомы с самыми существенными чертами ислама, однако “подобные знания оказываются существенно необходимыми для избежания различных недоразумений и иногда крупных промахов” [16, л. 2].

Таким образом, факторы, препятствовавшие в осуществлении модернизационных мероприятий в отношении исламских конфессиональных школ Туркестанского края и взятии их под государственный контроль в конце XIX – начале XX в. [17, с. 133], сохраняли свою актуальность в ранней политике большевиков.

Непрочные позиции Советской власти в Туркестанской АССР, обнаружившие себя в годы Гражданской войны, сохранявшаяся с имперских времен настороженность мусульманского контингента в отношении власти, хоть и новой, но русской по языковому и этнокультурному признаку, мощный рост национального самосознания, басма-

ческое движение, заряженное антирусским ядром, стали причиной уступок не только в религиозном вопросе, но и в языковом. Они состояли во взятии курса на коренизацию, охватившую период с 1917 по 1930 г., который характеризовался заявленным на политическом уровне равенством всех этносов России и поддержкой титульных языков республик, оказавшихся равноправными с фактически общегосударственным русским.

Как и в имперский период в советской политике национальные языки оставались инструментом умиротворения национального контингента. К примеру, политическая мера включения национальных языков этносов Туркестанского края в программы русско-туземных школ вопреки отсутствию национальной письменной традиции, стабильной орфографии и пр., была обусловлена наличием конкурировавших с русификаторским пантюркистского и панисламистского ассимиляционных проектов, противостоять которым было возможно, лишь создав условия для формирования национальной идентичности своих среднеазиатских подданных, происходящей из приобретенного осознания общности культуры, истории и, главное, языка.

Такого рода политическая каузальность была малоинтересна заурядному носителю языка. Куда большее значение для него имела предоставленная властью возможность изучать свой язык и право им пользоваться. Такие возможности открывались перед коренным населением Среднеазиатского региона равно как в имперский период, о чем свидетельствовала деятельность русско-туземных школ, так и в период Советов. К сожалению, данный исторический факт блекнет на фоне “кричащих” современных националистических псевдонаучных фальсификаций на тему “торможения” царским правительством развития национальных культур народов Средней Азии, ее “борьбы” против использования в школе родного языка и “навязывания” русского [18, с. 259–280].

Возвращаясь к ранней советской политике в Туркестанской Республике, стоит отметить, что складывавшаяся в стране в начале 20-х гг. XX в. сложная социально-политическая и экономическая ситуация на повестку дня ставила вопрос о жизнеспособности того или иного типа учебных заведений. Развернутая в первую пятилетку многочисленная сеть светских школ испытывала глубочайший кризис. Как было отмечено на состоявшемся 23 мая 1920 г. Первом съезде заведующих отделами народного образования, “толку в этих школах очень мало. У нас теперь имеется Единая Трудовая школа, но эта школа во многом уступает прежней старой школе. Мы можем констатировать факт, что уровень знаний упал до невероятности” [7, лл. 22–23].

Как и русско-туземные школы в имперский период, трудовые школы, несмотря на очевидные преимущества перед конфессиональными с точки зрения научно-практического потенциала, по-прежнему не вызывали у туркестанцев доверия. Последние же, лишённые государственной поддержки и содержимые за счет вакфов и пожертвований голодающего местного населения, сохранились в неприкосновенности. Бескомпромиссный курс на их ликвидацию был принят уже коммунистическими партиями среднеазиатских советских социалистических республик и автономных областей. Этот процесс был полностью завершён к концу 20-х гг. XX в., став началом истории нелегальных подпольных школ, носивших название “худжра” (“комната”, “келья”), по сей день остающихся местами вербовки молодежи государств Центральной Азии запрещенными в России террористическими организациями исламского толка.

Позитивно заряженный импульс Великой русской революции, достигший в 1917 г. Средней Азии, оказался непонятным большей части коренного населения региона. Благополучно пройдя полувековой путь “притирки” национально-религиозных устоев к имперским порядкам, традиционное среднеазиатское общество оказалось перед новым вызовом трансформации, следствием которой должен был стать демонтаж наиболее болезненной сферы его жизни – религиозной и тесно связанной с ней образовательной. На фоне следовавшего за ним крушения жизненных ориентиров и ценностей призывы В.И. Ленина “с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей” [19, с. 304], оставались малоубедительными. Так, наряду с яростной сопротивляемостью туркестанского традиционного общества, недооценкой роли ислама в его жизни и степени устойчивости исламских общественных институтов, неспособностью компартии предложить уникальные механизмы советской модернизации региона обусловили несостоятельность образовательных реформ в Туркестанской АССР. Фактически новая власть оказалась преемницей имперского курса в деле образования инородцев.

Литература

1. ЦГА КР. Ф. 653. Оп. 1. Д. 8.
2. Толубаев А.К. К переходу киргизской письменности на русский алфавит / А.К. Толубаев // Советская Киргизия. 1940. Февраль. № 45.
3. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения: Вопросы народного просвещения в основных директивах съездов, конференций, совещаний центрального комитета и центральной контрольной комиссии всесоюзной коммунистической партии (большевиков) / сост. А.Я. Подземский. М.: ОГИЗ. 496 с.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. / В.И. Ленин. М.: Политиздат, 1981. Т. 41: Май – ноябрь 1920. 695 с.
5. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 т. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Паровая Типо-Литография Н.Л. Ныркина, 1905. Т. 2. 417 с.
6. Сталин И.В. Сочинения / И.В. Сталин. М.: ОГИЗ; ГИПЛ, 1947. Т. 5. 441 с.
7. ЦГА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 30.
8. ЦГА КР. Ф. 653. Оп. 1. Д. 16.
9. Остроумов Н. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае: хронологическая справка / Н. Остроумов // Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана 1-го. М.: Типо-литография Т-ва Кушнерев и Ко, 1910.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.
11. Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб.: Военная тип., 1885. 503 с.
12. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. / С.Ю. Витте. Таллинн; М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 3. 605 с.
13. Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии / А. Вишневский // Наука и религия. 1990. № 2.
14. ЦГА РУз. Ф. Р-17, Оп. 1. Д. 1062.
15. Одинцов М. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.) / М. Одинцов. М.: Знание, 1991. 64 с.
16. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1724.
17. Сумарокова О.Л. Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае (по материалам Киргизстана) / О.Л. Сумарокова. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. 264 с.
18. Нормухамедова М. Взаимосвязь секуляризма с исламской культурой и образованием в Узбекистане / М. Нормухамедова // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: материалы междунар. “круглого стола”. г. Алматы, 30 ноября 2007 г. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008.
19. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1981. Т. 39: Июнь – декабрь 1919. 623 с.